*А. И. Гореликов*

# КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ ПРОТИВ ЯПОНСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

Своеобразие Гражданской войны на Дальнем Востоке заключалось в тесном переплетении национально-освободительной борьбы против японских интервентов и контрреволюции Белого движения.

Коренные малочисленные народы, находившиеся на стадии разложения родоплеменных отношений, оказались внутри революционных потрясений, связанных со сменой власти и общественного строя, были втянуты в вооруженную борьбу без их согласия и даже несмотря на их сопротивление.

В сфере научных знаний наибольший интерес представляет изучение роли и места Японии в происходивших событиях, участие в них аборигенного населения.

Японская интервенция на Дальнем Востоке, охватившая Приамурскую и Амурскую области, Охотское побережье, Нижний Амур и Северный Сахалин, являлась составной частью военной экспансии государств Антанты против РСФСР. Она продолжалась с 1918 по 1925 гг. и нанесла наибольший ущерб экономике страны[1].

В апреле 1918 г. во Владивостоке со стоявших на рейде с января 1918 г. двух японских крейсеров и военного транспорта был высажен десант, что явилось грубым нарушением международного Портсмутского договора между Россией и Японией, спровоцировало выступление белоказаков в Забайкалье и Приморье, подтолкнуло к мятежу возвращавшихся на родину военнопленных чехословацкого корпуса.

Ночью 20 июня 1918 г. белочехи при поддержке японцев свергли советскую власть во Владивостоке. В это же время на рейде в устье Амура появились японские миноносцы, канонерская лодка и военные транспорты, с которых было высажено 600 солдат и офицеров для захвата Николаевска-на-Амуре[2].

В апреле 1920 г. японские войска оккупировали Северный Сахалин, который они удерживали до середины 1925 г. Было введено японское военно-гражданское управление и объявлено, что русские законы не имеют более никакой силы. Все учреждения были обязаны передать свои дела японской администрации. Вводилось обязательное для всех признание «дня императора». Населенные пункты и даже улицы были переименованы и получили японские названия[3].

Произвол, незаконные реквизиции, всевозможные бесчинства, грабежи японцами коренного населения привели к тому, что стойбища аборигенов были разорены, а стада оленей вырезаны. По японским сведениям, за 1920 г. из Северного Сахалина было вывезено угля — 239 тыс. тон., леса — 30 тыс. м$^3$; нефти — 22 тыс. тонн. Общие убытки за 5 лет превысили 10 млн руб. золотом по острову Сахалин[4].

Кроме того, велась хищническая эксплуатация природных богатств. На Сахалине 12 лучших рыболовных и 36 «засольных» участков были заняты японцами. Вырубка леса вела к сокращению численности пушных зверей[5].

© А. И. Гореликов, 2008

Все эти действия осуществлялись Японией на территории иностранного государства, с которым продолжал действовать договор 1905 г., в котором четко было установлено, что территория Северного Сахалина является владением России.

Одновременно японское командование оказало организаторам Белого движения на Дальнем Востоке материальную помощь в сумме 500 тыс. иен и помощь оружием: 3200 винтовок, 350 тыс. патронов, 24 пулемета, 242 ящика патронов к ним, 9 орудий и 75 ящиков снарядов к ним[6].

Политика «помощи», которую осуществляла Япония, на деле являлась средством превращения Дальнего Востока в сферу своего военно-экономического влияния. Подтверждением этого могут служить следующие данные: японцами было вывезено леса за 1918–1922 гг. более 650 тыс. м$^3$ (данные без учета Сахалина). Ежегодно в результате захвата рыбных промыслов Николаевска-на-Амуре и Сахалинского района в Японию вывозилось 100 % улова лососевых и до 75 % улова сельди; общий ущерб рыбной отрасли составил более 4,5 млн руб. золотом. Было угнано свыше 2 тыс. вагонов; из 549 судов, числившихся в 1918 г. в составе гражданского флота на Дальнем Востоке, к 1922 г. осталось 301; из 227 речных судов — только 96. Убыток составил свыше 14 млн руб. золотом. Общие убытки по Приморской области превысили 100 млн руб. золотом[7].

Крайней жестокостью отличалась японская интервенция на территории Приамурской и Амурской областей, на Нижнем Амуре, что подтверждают источники. Только в одном селе Ивановка Амурской области в феврале 1919 г. японцы расстреляли и сожгли 257 человек, среди которых были женщины и дети. Они уничтожили 305 крестьянских построек, значительное количество инвентаря и домашнего скота, сожгли 55 340 пудов хлеба[8].

Наблюдались факты бесчинства японцев по отношению к аборигенному населению. Так, летом 1918 г. японский отряд, прибывший в нанайское стойбище Сикачи-Алян, отобрал оружие, меха соболя, солдаты изнасиловали женщин, жгли постройки, расстреливали сопротивлявшихся[9].

В нивхском селении Ршани на глазах жителей японские солдаты расстреляли собак и оленей, забрали пушнину. Доведенные до отчаяния разбоем эвенки села Виахту вынуждены были выступить с оружием против интервентов[10].

На Охотском побережье после свержения советской власти японцы захватили лучшие рыболовные участки, принадлежавшие аборигенам. Коренное население побережья, как могло, вело с ними борьбу: поджигали склады с оставленными на зиму рыболовецкими сетями и тарой, приводили в негодность кунгасы.

С целью предотвращения стихийных выступлений населения Нижнего Амура и Охотского побережья японцы усилили свои гарнизоны в крупных населенных пунктах Маго, Де-кастри, Мариинском, Софийском и др. В каждом селе японские гарнизоны насчитывали до 200 человек пехоты с 15–20 пулеметами и 8 орудиями. В Мариинском и Де-кастри на вооружении имелось по 2 танка[11]. В летний сезон японские корабли с карательными отрядами курсировали по реке Амур. Для своей безопасности японцы изъяли у аборигенов все огнестрельное оружие и боеприпасы к нему, порох, дробь, пистоны, даже изымались топоры и ножи.

Так же жестоко расправлялись с аборигенным населением и белогвардейцы. Наиболее наглядно это можно продемонстрировать на примере нанайского села Дубовый Мыс, расположенного на берегу Амура, недалеко от Хабаровска, куда летом 1919 г. прибыл отряд белогвардейцев. Они потребовали спирт, меха, оружие. Население загнали в сарай, имущество разграбили, женщин изнасиловали.

Подобные зверства, несомненно, повлияли на решение аборигенов оказывать помощь партизанам, самим взяться за оружие. Охотники и рыбаки стойбищ заготовляли

продукты питания, перевозили снаряжение, служили проводниками в партизанских отрядах, женщины шили одежду и обувь, молодежь вступала в партизанские отряды.

По данным М. А. Сергеева, приамурские нанайцы передали партизанам более 670 ружей, 800 кг пороха, 1518 лодок, 1088 коней, 1490 собачьих упряжек. Всего в Приамурье за годы Гражданской войны в партизанских отрядах участвовали 2247 нанайцев[12].

В ряду многочисленных примеров участия коренных народов в освободительной борьбе — создание в декабре 1918 г. партизанского отряда, расположенного в нанайском стойбище Малмыж. В отряде насчитывалось 70 человек, из них — 30 нанайцев. Из 16 молодых охотников был создан лыжный отряд для ведения разведки. В начале 1919 г., следуя впереди основных сил, разведчики обнаружили белогвардейский отряд полковника Вица в районе ульчского селения Кизи. К нанайским разведчикам присоединилось 10 охотников-ульчей. До подхода основных сил они сдерживали белогвардейцев. Совместными действиями контролировавший низовья Амура белогвардейский отряд был уничтожен. За участие в этой операции 4 разведчика лыжного отряда: И. Заксор, Ч. Ходжер, А. Одзял, А. Киле,— позже были награждены медалью «За боевые заслуги».

В марте 1919 г. в Чугуевском земстве (Приморская область) были созданы 2 отряда в количестве 75 и 200 бойцов. Во второй отряд в основном вошли нанайцы и удэгейцы, отлично знавшие тайгу, в совершенстве владевшие оружием и прекрасно ходившие на лыжах[13].

1 ноября 1919 г. в селе Анастасьевка Хабаровского уезда состоялась конференция представителей местных партизанских отрядов. На ней был образован военно-революционный штаб Хабаровского и Николаевского уездов.

Для борьбы за освобождение от интервентов среди коренных народов велась агитация за вступление их в партизанские отряды. Так, среди рыбаков Амурского лимана в течение короткого времени было мобилизовано до 600 человек[14]. Аборигены стали активно вступать в партизанские отряды. Из них создавались небольшие лыжные отряды, имевшие порой решающее значение в таежных операциях против врага.

Активное участие в партизанском движении принимало большинство удэгейских охотников стойбищ по реке Анюй — Дильдо, Какасэ, Била, Дакке, Аджу, Хоно и др. Причиной такой активности послужили факты бандитских разорений удэгейских стойбищ белогвардейцами и интервентами. Ответной мерой стало создание отряда из охотников стойбища Танду, расположенного в районе среднего течения реки Хор: все мужское население, возглавляемое старостой стойбища Кя Лудзягой, вошло в состав собственного отряда сопротивления. Они устраивали засады, уничтожали мародеров как из числа белогвардейцев, так и японцев. В борьбе по освобождению Приморской тайги особенно отличился молодой удэгеец Джанси Киманко, награжденный именным оружием, впоследствии — известный писатель.

Таким образом, этот период был непростым в истории коренных малочисленных народов Дальнего Востока. В экстремальных условиях Гражданской войны они оказались между двумя враждующими лагерями: красными и белыми,— и должны были сделать выбор, кого поддерживать. Плохо разбираясь в политическом противостоянии, они ясно представляли себе врага в лице белогвардейцев и иностранных интервентов, принесших на своих штыках многочисленные беды.

Выступление японских вооруженных сил 4–5 апреля 1920 г. в Хабаровске, Никольск-Уссурийске, Владивостоке явилось попыткой Японии закрепить за собой решающее военно-политическое значение на Дальнем Востоке. Во Владивостоке и во всех городах по линии Уссурийской железной дороги дислоцировалось около 85 тыс. японских солдат, в Забайкалье — свыше 40 тыс. Кроме того, 5 тыс. человек высадились в Александровске

на Сахалине. Япония продолжала проводить в жизнь план захвата Дальнего Востока, который начала осуществлять за два года до этого под предлогом помощи чехословакам.

С этими событиями был связан второй этап Гражданской войны в крае. 6 апреля 1920 г. на съезде трудящихся Прибайкалья в Верхнеудинске было провозглашено образование Дальневосточной республики (ДВР). 14 мая 1920 г. советское правительство объявило о признании ДВР[15].

21 июня 1920 г. во Владивостоке состоялось открытое Народное собрание, в котором были представлены все слои населения оккупированной японцами территории Дальнего Востока. «Открытием Народного собрания,— писала газета «Красное знамя»,— заканчивается один из этапов борьбы трудящихся Дальнего Востока и начинается новая полоса, когда усилия должны быть направлены на спасение края и сохранение его за Россией»[16]. В Совете управления ДВР сформировалась коалиция, в которую вошли коммунисты, меньшевики, эсеры и социалисты. Была выработана программа из трех пунктов: борьба за объединение Дальнего Востока; создание единого противояпонского фронта; борьба за воссоединение с советской Россией[17].

Создание ДВР способствовало объединению и согласованности действий партизанских отрядов и частей Народно-революционной армии (НРА) в борьбе за освобождение края от интервентов и белогвардейцев. Был создан Военный совет повстанческих отрядов для координации действий партизанских отрядов.

За лето 1921 г. в Приморье была проведена значительная работа по организации партизанского движения. Наметились партизанские районы: Спасский, Прихонкайский, Сучанский, Никольск-Уссурийский, Николаевский-на-Амуре. Одновременно совершенствовалась и тактика борьбы. Суть ее заключалась в нанесении стремительного, неожиданного и решительного уничтожающего удара по намеченной цели; по выполнении задачи отряды быстро скрывались на контролируемые ими территории, не давая противнику времени для преследования. Такой территорией в большинстве случаев были наиболее отдаленные места обитания коренных народов, где стойбища являлись базами, штабами, полевыми госпиталями.

В декабре 1921 г. правительство ДВР опубликовало серию секретных японо-белогвардейских и франко-японских документов, разоблачавших планы Японии по созданию на Дальнем Востоке марионеточного белогвардейского государства[18]. В «Предварительном протоколе реформ, подлежащих введению на территории бывшей Российской империи, ныне называемой Дальневосточная республика», совместно подписанном Японией, Францией и белогвардейцами, предусматривалось превращение Дальнего Востока в японскую колонию. Франция и Япония должны были по условиям соглашения перебросить армию Врангеля из Европы на Дальний Восток, снабдить ее оружием и деньгами и при помощи белогвардейцев свергнуть правительство ДВР[19]. Японская система управления островом Сахалин могла бы служить моделью оккупационных порядков на всем российском Дальнем Востоке.

С этого времени Белое движение стало ассоциироваться для большинства аборигенного населения с предательством национальных интересов России. Деятельность японских интервентов воспринималась коренными народами как установление японцами оккупационного режима в местах их обитания.

Особенностью второго этапа Гражданской войны было перенесение боевых действий с активным участием коренного населения в районы Камчатки, Чукотки и Колымы. Развитие вооруженной борьбы определялось несколькими факторами.

В стойбищах Охотско-Камчатского края белогвардейцами восстанавливалась прежняя власть старшин и старост. В тундре аборигены вновь стали платить ясак. Одновременно белыми велась активная агитация среди коренного населения для привлечения его на свою

сторону. Например, штабом полковника Бочкарева, отряды которого восстановили дореволюционные органы власти на Охотском побережье, Колыме и Камчатке, выпускалась газета «Вестник штаба». Первый номер от 29 ноября 1921 г. начинался обращением «К коренному населению Охотско-Камчатского края», в котором утверждалось, что «советская власть решила продать край жадным интервентам»[20].

Ответной мерой Камчатского облнарревкома было решение немедленно приступить к устройству складов и сбору боеприпасов для создаваемых партизанских отрядов.

В декабре 1921 г. в селе Холотырка состоялось собрание партизан Камчатки, на котором был поддержан призыв облнарревкома о формировании партизанских отрядов повсеместно. В Усть-Камчатском районе было создано 2 партизанских отряда: отряд Созутова состоял из 46 человек, в числе которых было 18 камчадалов и 9 коряков. В селе Тигиль абориген Камчатки П. Южин создал отряд из коренного населения, который впоследствии разросся до 60 человек[21].

В Хайрюзовском уезде против насилий и грабежей со стороны белогвардейцев из аборигенов были созданы отряды для самообороны. В Гигижигинском уезде Тигильский отряд партизан, состоявший из местного населения, выбил со своей территории белогвардейские части[22].

Партизанский штаб поставил своим отрядам задачу блокировать Петропавловск, не допустить мобилизации белыми ездовых собачьих упряжек у аборигенов для продвижения в глубь Камчатки. Эта задача была выполнена заградительными отрядами из числа корякского населения.

В августе 1922 г. на Камчатке белогвардейские отряды начали наступление на партизан. Получив решительный отпор, разбитые и разрозненные отряды белых вернулись в Петропавловск[23].

В это время основная часть японских войск (8, 9, 15-я дивизии) находилась в Приморской области, а часть — в Сахалинской. Под давлением общественности Японии, будучи не в силах вести боевые действия против НРА и партизан ввиду больших потерь, а также развернувшейся национально-освободительной борьбы коренного населения, 23 июня 1922 г. японское правительство постановило эвакуировать свои войска из Приморья и Приамурья, что в определенной мере создало условия для завершения приморской операции НРА против белых и окончания интервенции на Дальнем Востоке.

В Сахалинской области японские интервенты эвакуировались лишь из низовьев Амура. Основные силы японцев по-прежнему оставались в Николаевске-на-Амуре, в крепости Чныррах, в селениях Софийское, Мариинское, Большое Михайловское, а также в поселениях ульчей и нигедальцев, в устье Амгуня и у Амурского Лимана. Японское командование заявило, что вывод войск состоится не позднее сентября 1922 г.[24]

25 октября 1922 г. части НРА заняли Владивосток. 26 октября японские военные суда покинули Петропавловский порт. 10 ноября партизанские отряды вошли в областной центр. 23 декабря 1922 г. Камчатский губревком постановил «в целях скорейшего, планомерного и твердого восстановления народной власти во всех отдаленных и заброшенных уголках Камчатской губернии, для скорейшего распространения этой власти на местности, занятой белобандитами, организовать ревкомы в долине р. Камчатка и в Тигиле, которые должны были объединить под своей властью волости восточного и западного побережья Севера Камчатки»[25].

На Чукотке утверждение советской власти началось в конце декабря с привлечением коренного населения к охране ценностей и задержанию белобандитов, бежавших с награбленной пушниной из Колымского края и намеревавшихся перебраться через Берингов пролив в Америку.

24 февраля 1923 г. состоялось общее собрание коренных жителей Уэлена, Дежнева и Наукана, на котором уполномоченный губревкома проинформировал их о положении в стране, в губернии и призвал вступать в заградительные отряды. «Жители — чукчи и эскимосы — живо откликнулись на призыв и в тот же день был набран отряд в 112 чел. лучших стрелков»[26].

29 марта в Пркадтагне был создан 2-й Чукотский заградотряд из 12 русских и 20 чукчей. Отряды создавались на Мысе Северном (Мыс Шмидта), в селе Нмакай. С целью помешать бегству белых за границу Камчатский губревком и Штаб войск Охотско-Камчатского края организовали отправку в район Гижиги и Наяхана красногвардейских отрядов. Уполномоченный губревкома Бурк, командовавший этими отрядами, информировал о создании «Фронта длиной 3 тыс. верст и глубиной 1 тыс. верст»[27]. Необходимо отметить, что около половины состава партизанских отрядов фронта составляли коренные жители — чуванцы. Большую поддержку партизанским и красногвардейским отрядам оказывало аборигенное кочевое население, предупреждавшее их о продвижении белогвардейцев.

10 апреля 1923 г. объединенными силами был освобожден поселок Гижига, а 13 апреля после длительного боя ликвидирован отряд бочкаревцев в Наяхане. К 31 мая белые прекратили сопротивление на Чукотке, особую роль при этом сыграли заградительные отряды из местного населения.

На Охотском побережье с открытием навигации 1923 г. борьба против отрядов генерала Пепеляева вступила в завершающую фазу. Намерению белых уйти в тайгу и попытаться выйти к Амуру воспрепятствовали заградительные отряды из местных жителей — эвенков. 4 июня 1923 г. в результате короткого боя был взят Охотск.

Совместными боевыми действиями частей Красной армии и партизанских отрядов к концу 1923 г. почти вся территория Дальнего Востока была освобождена от белогвардейцев и иностранных интервентов. В руках японцев оставался еще Северный Сахалин, но и он после дипломатических переговоров с Японией был возвращен в мае 1925 г. в состав советского Дальнего Востока.

При анализе суровой действительности Гражданской войны на Дальнем Востоке особое внимание обращает на себя то, что участие коренных народов в борьбе с японскими интервентами и белогвардейцами остается недостаточно изученным.

Предпринятая попытка исследовать особенности освободительной борьбы аборигенного населения Приморской области, Нижнего Амура, Охотского побережья и Северного Сахалина против японских интервентов и участие коренных народов Чукотки, Колымы и Камчатки в борьбе с белогвардейцами позволяет сделать ряд выводов.

Первый этап участия коренного населения в освободительной борьбе характеризовался стихийными выступлениями, которые были ответной мерой на грабежи и бесчинства японских интервентов и белогвардейцев. Чем сильнее угрожала колчаковская власть, поддерживаемая иностранной интервенцией, интересам аборигенного населения, тем активнее оно боролось против нее. Тактика ответных действий в основном сводилась к борьбе с белыми и японскими интервентами в пределах своей территории.

На втором этапе Гражданской войны военную интервенцию продолжала лишь Япония. Силы противника были разгромлены совместными действиями НРА на главных фронтах и партизан в тылу. Проявленную коренными малочисленными народами активность в борьбе за освобождение захваченных японцами территорий следует рассматривать как глубоко осознанное выступление с оружием в руках против японских интервентов и белогвардейцев.

Мы имеем основание утверждать, что особенности исторического развития коренных народов (позднепервобытные отношения) вряд ли способствовали их участию

в борьбе за установление советской власти на Дальнем Востоке и изменение политического строя. Их борьбу за восстановление Советов в крае следует рассматривать как патриотическое национально-освободительное движение против японских интервентов и белогвардейцев.

Таким образом, важность изучения участия коренных малочисленных народов Дальнего Востока в Гражданской войне, на наш взгляд, состоит, прежде всего, в том, что без него невозможно объективное исследование событий Гражданской войны в этом крае.

---

[1] Русские Курилы: история и современность: Сб. документов. М. 2006. С. 51. Док. № 23. С. 51.

[2] *Никифоров П. М.* Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервентами на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). М., 1974. С. 12.

[3] Русские Курилы. С. 51. Док. 23/б.

[4] Там же. С. 52. Док. 23/д.

[5] Сахалинская область: Сб. ст. Южно-Сахалинск, 1960. С. 153.

[6] Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.): Сб. документов. Владивосток, 1955. С. 627. Док. № 407.

[7] Русские Курилы. С. 52. Док. 23/д.

[8] Государственный архив амурской области (ГААО). Ф. 958. Оп.1. Д. 9. Л.54.

[9] *Беляев А. А.* Участие нанайцев в борьбе за власть Советов // Дальний Восток за 40 лет Советской власти. Комсомольск-на-Амуре, 1958. С. 176–177.

[10] Победа советской власти на Сахалине (1917–1925 гг.): Сб. документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1959. С. 172.

[11] Там же. С. 137.

[12] *Сергеев М. А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955. С. 282.

[13] Партизанское движение в Улахинской долине: Сб. воспоминаний «В огне революции» Хабаровск, 1927. С. 143.

[14] Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 289. Л. 105.

[15] Борьба за власть советов в Приморье… С. 476.

[16] Красное знамя. 1920. № 103.

[17] *Никифоров П. М.* Указ. соч. С. 134.

[18] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 373. Оп. 1. Д. 13. Л. 44.

[19] *Орнатская Т., Ципкин Ю., Ширяев В.* Из истории борьбы с интервентами на российском Дальнем Востоке в 1921–1922 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 131.

[20] *Мухачев Б. И.* Разгром белогвардейщины // Дальний Восток. 1982. № 8. С. 128–130.

[21] *Гарусов И. С.* Разгром белогвардейцев в Охотско-Камчатском крае. Магадан, 1963. С. 30.

[22] ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 426. Л. 331.

[23] *Фролов Н. П.* Заре навстречу: Сб. «За власть Советов на Камчатке». Петропавловск-на-Камчатке, 1957. С. 105.

[24] *Шишкин С. Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке. М., 1957. С. 243.

[25] Ревкомы Северо-востока СССР (1922–1928 гг.): Сб. документов и материалов. Магадан, 1973. С. 20.

[26] Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ) Ф. р-2333. Оп. 1. Д. 12. Л. 487.

[27] Дальний Восток России в период революции 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003. С. 596.